

International Conference on Turkic Languages Processing (TURKLANG)

Именное сочинение в татарских послеложных конструкциях и падежное варьирование

Е.А. Лютикова^{a,b}, А.А. Герасимова^{a,b},¹

a МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия
b Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, Москва, 117485, Россия

Аннотация

В статье строится формальная модель для варьирования падежного оформления в татарских послеложных конструкциях с сочиненными именными группами. В татарских послеложных конструкциях выбор падежной формы зависимой именной синтагмы определяется ее морфолого-синтаксическим классом. Причем для послелогов, синхронно связанных с существительными, способы маркирования местоименного дополнения оказывают влияние на оформление самой послеложной группы – выбор непритяжательной формы послелога или притяжательного согласования. Исследование сочиненных именных групп позволяет установить синтаксические механизмы, которые определяют два названных варьирования. В частности, случаи, когда два аргумента сочинения принадлежат различным морфолого-синтаксическим классам, дают возможность установить связь между выбором падежного маркирования конъюнктов и выбором притяжательного согласования для послелога.

Для исследования взаимодействия двух типов варьирования было проведено два лингвистических эксперимента. В эксперименте 1 респонденты заполняли пропуски в предложениях, выбирая наиболее естественную форму составляющих послеложной конструкции. В эксперименте 2 респонденты оценивали предложения с различными конфигурациями послеложных конструкций по шкале Ликерта от 1 до 5. Результаты экспериментов показывают, что первый аргумент сочиненной конструкции демонстрирует явную тенденцию к употреблению в немаркированной форме. Тем не менее, если первым аргументом является личное местоимение 1-2 лица, в половине случаев носители выбирают для него форму генитива. Кроме того, носители отдают предпочтение притяжательному согласованию по 3 лицу, вне зависимости от того,

демонстрирует ли значение 3 лица один из конъюнктов, что позволяет говорить о выборе дефолтной модели согласования.

Экспериментальные данные выявляют целый ряд синтаксических свойств, которые объединяют послеложные конструкции с именными изафетными конструкциями. В частности, корреляция между выбором генитива зависимого и согласуемой притяжательной формой послелога, с одной стороны, и выбором немаркированной формы зависимого и несогласуемой притяжательной формой, с другой стороны, отражает противопоставление изафетных конструкций 3 и 2, соответственно. Таким образом, процесс грамматикализации послеложных слов еще не завершен. Полученные результаты позволяют охарактеризовать вариативность в синхронном срезе языка, а также предоставляют материал для усовершенствования систем морфологической и синтаксической обработки текстов на татарском, чтобы они наиболее полно охватывали актуальное языковое поведение носителей.

Keywords: послеложная группа; дифференцированное маркирование аргумента; падеж; согласование; сочинение; татарский язык; экспериментальный синтаксис.

---

1. Введение

В последние годы отмечается существенный рост интереса описательной и теоретической лингвистики к проблеме согласования с сочиненными конструкциями (см., например, (Bošković, 2009, 2010; Willim, 2012; Franks, Willer-Gold, 2014; Marušič, Nevins, Badecker, 2015; Nevins, Weisser, 2018, Ćitko, 2018)). Известно, что выбор согласовательной модели определяется многими факторами, среди которых, в частности, тип мишени согласования (глагол, адъектив, имя), препозиция / постпозиция мишени согласования по отношению к контролеру, линейное расстояние между контролером и мишенью, тип сочинения (симметричное / асимметричное). Выделяются следующие формальные типы согласования: разрешающее (resolved) согласование — по признакам сочиненной конструкции (*Петя и Маша пришли* (мн.ч.), *я и ты идем* (1-е л. мн.ч.)), по признакам первого конъюнкта, по признакам последнего конъюнкта²¹. Предполагается также возможность более сложных иерархий не только для вычисления признаков при разрешающем согласовании (1-е + 2-е лицо = 1-е лицо, мужск. род + женск. род = мужск. род), но и для выбора

2

¹ В (Nevins, Weisser, 2018) высказывается идея, что по меньшей мере часть случаев согласования с первым или последним конъюнктом в действительности представляют собой согласование с ближайшим конъюнктом, что может быть установлено, если позиция мишени не фиксирована относительно контролера грамматическими правилами.

контролера согласования (например, контролером оказывается конъюнкт с более маркированным признаком лица: *я и он / он и я придю*).

В этой статье мы предполагаем исследовать татарскую симметричную сочиненную конструкцию с союзом *һәм* 'и' в контексте послеложной группы. Своеобразие послеложной конструкции в татарском языке состоит в том, что имена разных морфолого-синтаксических классов выступают в послеложной конструкции в разных падежных формах: личные местоимения — в форме генитива, а существительные — в форме номинатива (основного падежа). В этой связи, если конъюнкты относятся к разным грамматическим разрядам, возникает проблема разрешения падежного конфликта в сочиненной конструкции: получает ли вся конструкция единое падежное оформление, или соответствующим падежом оформляется каждый компонент сочиненной конструкции. Дополнительные сложности возникают, если послеложную конструкцию образуют послеложные слова, имеющие позицию для согласования с зависимым именем. Выбор контролера согласования предположительно должен коррелировать со способом разрешения падежного конфликта. Таким образом, мы имеем возможность не только изучить согласование с сочиненной конструкцией в нетривиальном для данной проблематике контексте — послеложной группе, но и установить связь между внутренней структурой конструкции (единое падежное оформление / собственный падеж у каждого конъюнкта) и согласованием.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 2 мы описываем основные характеристики послеложных конструкций татарского языка. В разделе 3 представлены результаты двух экспериментов, в которых при помощи разных методик исследовался выбор стратегии оформления послеложной конструкции носителями татарского языка. В разделе 4 подводятся итоги обсуждения.

2. Послеложные конструкции в татарском языке

Послеложные конструкции в татарском языке образует гетерогенная категория лексических единиц, в разной степени грамматикализованных в качестве функциональных. Татарская грамматика (Закиев, 1993: 309; Закиев 1995: 47) выделяет собственно послелогии и послеложные слова, которые «...отличаются от послелогов тем, что имеют живые словообразовательные отношения и лексико-семантические связи с знаменательными частями речи...». Соответственно, послеложные слова имеют знаменательный эквивалент, обладающий лексическим значением: «В предложении *Язу өстендә озак утырды* 'Долго сидел над письмом' *өстендә* — послеложное слово; в

предложении *Су өстендә көймә йөзә* ‘Лодка плывет на поверхности воды’ то же самое *өстендә* — имя существительное» (Закиев 1993: 11).

Послелого и послеложные слова управляют именной группой в определенной падежной форме. Так, например, послелог *таба(н)* ‘к’ и послеложное слово *күрә* ‘ввиду, из-за, по’ управляют дативом, а послелого *башка* ‘кроме’ и *соң* ‘после’ — аблативом.

Большой класс послелогов и послеложных слов употребляются с именной группой в немаркированной форме, совпадающей с номинативом (татар. *баш килеш*) — падежом подлежащего. В этот класс входят как собственно послелого, например, *белән* ‘с’, *өчен* ‘для’, так и послеложные слова, соотносимые с существительными с локативным или абстрактным значением, например, *өстендә* ‘над’ (ср. *өс* ‘верх’), *янына* ‘рядом, к’ (ср. *ян* ‘бок’), *урынында* ‘вместо’ (ср. *урын* ‘место’), *ярдәмендә* ‘благодаря’ (ср. *ярдәм* ‘помощь’). Зачастую послеложные слова образуют группы, объединенные общей основой и различающиеся падежными аффиксами, напр. *янына* ‘к’ (датив), *янында* ‘около’ (локатив), *яныннан* ‘мимо’ (аблатив); *артына* ‘за, вслед’ (датив), *артында* ‘за, позади’ (локатив), *артыннан* ‘из-за’ (аблатив).

Татарская грамматика (Закиев, 1993: 253) указывает, что с послелогоми и послеложными словами этого класса местоимения-существительные используются в форме генитива. Таким образом, в послеложной конструкции возникает падежное варьирование: именные группы на основе существительного (или субстантивированного атрибута, отглагольной номинализации и т.п.) демонстрируют немаркированную форму, в то время как местоимения-существительные — форму генитива: «... *аның белән (абый белән) эшләү* ‘делать с ним (с братом)’, *аның өчен (дустым өчен) тырышу* ‘стараться ради него (друга)’». К местоимениям-существительным Татарская грамматика относит личные местоимения 1-2 лица *мин* ‘я’, *син* ‘ты’, *без* ‘мы’, *сез* ‘вы’, местоимения 3 лица *ул* ‘он’ и *алар* ‘они’, возвратное местоимение *үз* ‘сам’, вопросительные местоимения *кем* ‘кто’, *нәрсә* ‘что’, а также образованные на основе вопросительных местоимений серии неопределенных и универсальных местоимений. Дифференцированное маркирование дополнения в послеложной конструкции, таким образом, лицензируется формальным фактором — его морфосинтаксической категорией.

Отличие личных местоимений от прочих субстантивов проявляется также в том, что послеложные слова демонстрируют лично-числовое (притяжательное) согласование с генитивным местоименным дополнением. В примерах (1a-b) показаны согласованные по лицу и числу с местоименным дополнением формы послелога *алдында* ‘перед’; в (1c) — тот же послелог в дефолтной форме 3 лица.

- (1) a. *Юк, сез-нең минем алд-ым-да*
нет вы-GEN я.GEN перед-1SG-LOC
бер гаеб-егез дә юк.
один вина-2PL EMPH нет
‘Нет, вы передо мной ни в чем не виноваты.’ [ТТ]³¹
- b. *Әфәнде-ләр, хәзер мин сез-нең алд-ыгыз-да*
господин-PL сейчас я вы-GEN перед-2PL-LOC
бик зур эш ача-чак-мын.
очень большой дело открывать-FUT-1SG
‘Господа, сейчас я открою вам (=перед вами) одну очень важную вещь.’ [ТТ]
- c. *Кыз-лар алд-ын-да ясалма*
девушка-PL перед-3-LOC искусственно
йөр-гән-не ярат-м-ый-м.
ходить-PART-ACC любить-NEG-PRS-1SG
‘Не люблю выпендриваться (= лживо ходить) перед девушками.’ [ТТ]

Причиной вариативной структуры конструкций с послеложными словами является, безусловно, их диахронический источник. Послеложная конструкция представляет собой результат грамматикализации именной синтагмы, возглавляемой локативным или абстрактным существительным в одной из падежных форм. Зависимое в послеложной конструкции, соответственно, является приименным зависимым и образует с вершиной посессивную конструкцию.

Посессивная конструкция в татарском языке также демонстрирует дифференцированное маркирование аргумента-посессора. Традиционная грамматика выделяет два типа посессивных конструкций — изафетную конструкцию 2 и изафетную конструкцию 3⁴. В изафетной конструкции 2 зависимое выступает в немаркированной форме, вершина несет на себе изафетный (посессивный) показатель (2a). В изафетной конструкции 3 зависимое имеет форму генитива, вершина несет на себе изафетный показатель (2b).

3

¹ Примеры с пометой [ТТ] получены из Татарского национального корпуса «Туган тел» (<http://www.tugantel.tatar/>).

4

¹ В изафетной конструкции 1, образованной соположением двух существительных (*таш йорт* ‘каменный дом’), зависимое не может ветвиться, присоединять показатели числа и принадлежности, то есть является вершиной. Ее свойства нерелевантны для обсуждения послеложной конструкции.

- (2) а. укычы дафтәр-е
ученик тетрадь-3
'ученическая тетрадь, тетрадь ученика'
- б. укычы-ның дафтәр-е
ученик-GEN тетрадь-3
'тетрадь ученика'

Татарская грамматика (Закиев, 1993: 32-37) отмечает, что местоимения-существительные образуют только изафетную конструкцию 3, но не 2, ср. (3а-б); если посессором выступают местоимения 1-2 лица, в разговорной речи возможно опущение изафетного показателя в изафетной конструкции 3 (3с). Структуры, в которых изафетный показатель на вершине возникает в отсутствие выраженного генитивного посессора, естественно рассматривать как изафетную конструкцию 3, в которой в позиции посессора находится нулевое местоимение *pro* соответствующего лица и числа, контролирующее согласование изафетного показателя (3д).

- (3) а. без-нең мәктәб-ебез
мы-GEN школа-1PL
'наша школа'
- б. * без мәктәб-ебез
мы школа-1PL
- с. без-нең мәктәп
мы-GEN школа
'наша школа'
- д. [*pro*]
pro.1PL.GEN школа-1PL
'наша школа'

Еще один класс посессоров, которые возможны только в изафетной конструкции 3, но не 2, — это именные группы, сами представляющие собой изафетную конструкцию 3. Это, во-первых, собственно посессивные конструкции, такие как в (3), а также субстантивированные кванторные и атрибутивные конструкции, такие как в (4):

- (4) а. (а-лар-ның) күб-есе
он-PL-GEN много-3
'многие из них'

- b. (без-нең) иң акыл-лы-быз
 мы-GEN самый ум-ATR-1PL
 ‘самый умный из нас’
- c. кыз-лар-ның кайсы-сы
 девушка-PL-GEN который-3
 ‘которая из девушек’

Остальные типы именных групп могут быть зависимыми в обеих изафетных конструкциях. Выбор между генитивом и немаркированной формой определяется как определенностью зависимой именной группы, так и семантическим отношением между вершиной и зависимым. Так, например, имена собственные обычно выступают в изафетной конструкции 3 (*Марам*(-ның) ата-сы* ‘отец Марата’), однако при обозначении наименования используется изафетная конструкция 2 (*Марат урам-ы* ‘улица Марата’).

В (Pereltsvaig, Lyutikova, 2014; Лютикова, Перельцвайг, 2015; Lyutikova, Pereltsvaig, 2015; Lyutikova, 2017) показано, что различия между двумя конструкциями не сводятся к падежному оформлению, но затрагивают различные характеристики посессоров — их структурную позицию в именной группе, их собственный категориальный статус, возможные интерпретации и способность к выражению различных тематических отношений с именной вершиной. Указанные кластеры свойств возникают не случайно, но выводятся из категориального статуса именной группы-посессора. DP-посессоры насыщают аргументные позиции, выражают тематические отношения, получают конкретно-референтную или обобщенно-кванторную интерпретацию, получают падеж, контролируют посессивное согласование показателя изафета и располагаются в крайней левой позиции в именной группе (Spec, DP). Посессоры малой структуры вводятся особой функциональной вершиной Poss, выражают широкий спектр отношений между двумя именными группами, уточняемых на основе энциклопедических знаний, имеют предикатную интерпретацию, не нуждаются в падеже, неспособны контролировать посессивное согласование и располагаются в своей базовой позиции, правее атрибутивных модификаторов (Spec, PossP). Таким образом, дифференцированное маркирование посессора в татарском языке существенно отличается от дифференцированного маркирования дополнения послелого: в послеложной конструкции генитивом оформляются только местоимения-существительные, в то время как в посессивной конструкции — любые именные составляющие, имеющие статус DP, в том числе — изафетная конструкция 3, имена собственные, другие определенные именные группы. Ср. примеры в (5)-(6), демонстрирующие послеложные группы, и (7) с именными группами.

- (5) a. *минем* / *мин *өчен*
я.GEN / я для
'для меня'
- b. *ата-м* / *ата-м-ның *өчен*
отец-1SG / отец-1SG-GEN для
'для моего отца'
- c. *Марат* / *Марат-ның *өчен*
Марат / Марат-GEN для
'для Марата'
- (6) a. *минем* / *мин *урын-ым-да*
я.GEN / я вместо-1SG-LOC
'вместо меня'
- b. *ата-м* / *ата-м-ның *урын-ын-да*
отец-1SG / отец-1SG-GEN вместо-3-LOC
'вместо моего отца'
- c. *Марат* / *Марат-ның *урын-ын-да*
Марат / Марат-GEN вместо-3-LOC
'вместо Марата'
- (7) a. *минем* / *мин *мәктәб-ем-дә*
я.GEN / я школа-1SG-LOC
'в моей школе'
- b. *ата-м / *ата-м-ның* *мәктәб-ен-дә*
отец-1SG / отец-1SG-GEN школа-3-LOC
'в школе моего отца'
- c. *Марат / *Марат-ның* *мәктәб-ен-дә*
Марат / Марат-GEN школа-3-LOC
'в школе Марата'

Таким образом, послелог и послеложные слова, присоединяющие именные группы в немаркированной форме или генитиве, могут стать источником особенно интересного материала для изучения вариативности в оформлении сочиненной конструкции. Во-первых, грамматические свойства конструкции включают в себя выбор между генитивным или немаркированным оформлением зависимой именной группы. Во-вторых, сосуществование в языке послеложных слов и омонимичных им существительных, деривационная связь между которыми, по свидетельству авторов Татарской грамматики, ощущается носителями татарского языка, позволяет предположить, что способы оформления именной синтагмы будут оказывать влияние и на оформление

последложной группы. Случаи, когда два аргумента сочинения принадлежат различным морфолого-синтаксическим классам, дают возможность установить связь между выбором падежного маркирования конъюнктов и выбором притяжательного согласования для послелого.

Для проверки этих предположений было проведено экспериментальное исследование управления послелогов и послеложных слов с сочиненной конструкцией в качестве аргумента. В следующем разделе мы опишем эксперименты и полученные нами результаты.

3. Экспериментальное исследование

Для исследования оформления послеложной конструкции с сочиненной группой в качестве аргумента было проведено два лингвистических эксперимента. В первом эксперименте респонденты заполняли пропуски в предложениях, выбирая наиболее естественную форму составляющих послеложной конструкции. Зависимое и послелог находились в скобках в словарной форме (8). В этом эксперименте мы изучали конструкции с сочинением имени собственного и личного местоимения первого лица (пр. *мин һәм Марат* 'я и Марат'). Дизайн эксперимента подразумевал два фактора: фактор «ТИП ВЕРШИНЫ В ПОСЛЕЛОЖНОЙ КОНСТРУКЦИИ» (два уровня: послелоги и послеложные слова), а также фактор «ПОРЯДОК КОНЪЮНКТОВ В СОЧИНЕННОЙ КОНСТРУКЦИИ» (2 уровня: личное местоимение предшествует имени собственному или следует за ним).

(8) Танылган жырчы (син һәм Әхмет, янәшәсендә) _____ утырды.
'Известный певец сидел рядом с тобой и Ахметом.'

В эксперименте участвовало 109 респондентов (средний возраст 23; SD = 7; мин. возраст 17, макс. возраст 61; 85 женщин и 23 мужчины). Чтобы установить уровень владения татарским языком перед началом эксперимента мы просили респондентов ответить на вопросы социолингвистической анкеты. Данные анкетирования показали, что 90 из 109 респондентов родились и проживают в Республике Татарстан и ежедневно общаются по-татарски в семье и в месте учебы или работы.

Результаты эксперимента на заполнение пропусков были обработаны с помощью логлинейного анализа, который показал значимое взаимодействие экспериментальных факторов ($p = 0,001$). Результаты эксперимента показывают, что в подавляющем большинстве случаев имя собственное имеет немаркированную форму вне зависимости от позиции относительно личного

местоимения. При этом личное местоимение значимо часто маркируется генитивом, также вне зависимости от своей позиции в сочиненной конструкции. Ситуация, в которой имя собственное получает генитив, а личное местоимение имеет немаркированную форму, практически недопустима, при этом маркирование двух конъюнктов генитивом возможно.

Таблица 1. Результаты эксперимента на порождение.

	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
<i>Марат и я</i>	41	335	0	13
<i>я и Марат</i>	180	7	142	25

Таблица 2. Результаты эксперимента на порождение для послелогов без позиции для лично-числового согласования.

	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
<i>Марат и я</i>	19	179	0	0
<i>я и Марат</i>	116	0	39	0

Таблица 3. Результаты эксперимента на порождение для послеложных слов.

<i>Марат и я</i>	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
без согласования	1	36	0	3
контроль со стороны первого конъюнкта / дефолтное согласование	21	111	0	9
контроль со стороны второго конъюнкта	0	7	0	1
контроль со стороны сочиненной конструкции	0	2	0	0
<i>я и Марат</i>	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
без согласования	0	0	0	0
контроль со стороны первого конъюнкта / дефолтное согласование	0	0	0	0
контроль со стороны второго конъюнкта	64	7	102	25
контроль со стороны сочиненной конструкции	0	0	1	0

Экспериментальные данные для послеложных слов позволяют утверждать, что носители чаще всего выбирают притяжательное согласование по 3 лицу. Эта форма, с одной стороны, может означать контроль со стороны имени собственного, а с другой – выбор стратегии дефолтного согласования. Чтобы разрешить данную омонимию, а также подробнее выяснить предпочтения носителей татарского языка мы провели второй эксперимент, в котором наравне с рассмотренными сочиненными конструкциями были исследованы сочиненные конструкциями с двумя личными местоимениями.

Во втором эксперименте респонденты оценивали предложения с различными конфигурациями послеложных конструкций по шкале Ликерта от 1 до 5. В этом эксперименте к конструкциям с сочинением из первого эксперимента мы добавили конструкции с сочинением двух личных местоимений (*мин һәм син* ‘я и ты’), причем эти конструкции использовались только с послеложными словами. Также добавился фактор «ПАДЕЖНОЕ МАРКИРОВАНИЕ» (4 уровня: оба конъюнкта маркированы генитивом; оба конъюнкта маркированы номинативом; первый конъюнкт маркирован генитивом, второй – номинативом; первый конъюнкт маркирован номинативом, второй – генитивом). Кроме того, на каждое послеложное слово теперь приходилось до четырех форм: непритяжательная, притяжательная согласуемая для субстантивов с граммемой 1-2 лица единственного, непритяжательная несогласуемая, притяжательная согласуемая для субстантивов с граммемой 1 лица множественного числа (в случае контроля согласования со стороны сочинительной конструкции). В эксперименте участвовало 38 респондентов (средний возраст 24; SD = 8; мин. возраст 17, макс. возраст 62; 30 женщин и 8 мужчин); из них 31 респондент участвовал также в первом эксперименте.

Результаты эксперимента показывают, что в случае конструкции с именем собственным и личным местоимением при послелогах наиболее высокие оценки получают стратегии маркирования, при которых имя собственное имеет немаркированную форму, а личное местоимение либо также имеет немаркированную форму, либо демонстрирует форму генитива (*t-критерий Стьюдента*, $p \ll 0,001$). В случае послеложных слов наибольшие оценки получает стратегия, при которой имя собственное имеет немаркированную форму, а личное местоимение – форму генитива.

Для сочиненных конструкций с двумя личными местоимениями наиболее предпочтительной оказалась стратегия падежного маркирования, при которой оба местоимения получают генитив. При этом различные варианты личностно-числового согласования имеют равный уровень приемлемости: так, равно допустимы отсутствие согласования, согласование по третьему лицу,

согласование с первым конъюнктом и согласование с сочиненной конструкцией. Обратим внимание, что наименее приемлемым оказалось согласование со вторым конъюнктом. Это наблюдение позволяет по-новому интерпретировать результаты эксперимента на порождение. Получается, порядок конъюнктов оказывается значимым для выбора контроллера согласования: носители отдают предпочтение согласованию с первым конъюнктом. Следовательно, видимый контроль согласования со стороны второго конъюкта для сочиненных конструкций с именем собственным и личным местоимением на самом деле является реализацией дефолтного согласования по третьему лицу. Таким образом, результаты двух экспериментов позволяют заключить, что носители отдают предпочтение притяжательному согласованию по третьему лицу, вне зависимости от того, демонстрирует ли значение третьего лица один из конъюнктов, что говорит о выборе дефолтной модели согласования.

Таблица 4. Результаты эксперимента на оценку для сочинения имени собственного и личного местоимений (ненормализованные и нормализованные оценки).

		NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
Послелог без позиции для лично-числового согласования	<i>Марат и я</i>	1,5	3,84	1,32	2,08
	<i>я и Марат</i>	3,05	2,11	3,11	1,84
Послеложные слова	<i>Марат и я</i>	2,18	2,58	1,82	1,95
	<i>я и Марат</i>	1,84	2,21	1,84	1,79
Послелог без позиции для лично-числового согласования	<i>Марат и я</i>	-0,7	0,86	-0,79	-0,29
	<i>я и Марат</i>	0,38	-0,21	0,45	-0,39
Послеложные слова	<i>Марат и я</i>	-0,19	0,07	-0,43	-0,33
	<i>я и Марат</i>	-0,44	-0,13	-0,43	-0,44

Таблица 5. Результаты эксперимента на оценку для сочинения двух личных местоимений (ненормализованные и нормализованные оценки).

<i>я и ты</i>	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
Без согласования	1,42	2,08	1,89	2,89
Второй конъюнкт	1,63	1,79	1,53	1,55
Дефолтное (3Sg)	1,71	1,66	2	3,05
Первый конъюнкт	1,71	1,55	1,53	3
Сочинение	1,34	1,97	1,76	3,5
<i>я и ты</i>	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
Без согласования	-0,69	-0,21	-0,36	0,29
Второй конъюнкт	-0,54	-0,47	-0,63	-0,7
Дефолтное (3Sg)	-0,53	-0,54	-0,3	0,37
Первый конъюнкт	-0,48	-0,6	-0,6	0,38
Сочинение	-0,79	-0,32	-0,42	0,73

4. Выводы

Таким образом, результаты экспериментов показывают, что первый аргумент сочиненной конструкции демонстрирует явную тенденцию к употреблению в немаркированной форме. Тем не менее, если первым аргументом является личное местоимение 1-2 лица, в половине случаев носители выбирают для него форму генитива. Кроме того, носители отдают предпочтение притяжательному согласованию по 3 лицу, вне зависимости от того, демонстрирует ли значение 3 лица один из конъюнктов, что позволяет говорить о выборе дефолтной модели согласования.

Экспериментальные данные выявляют целый ряд синтаксических свойств, которые объединяют послеложные конструкции с именными изафетными конструкциями. В частности, корреляция между выбором генитива зависимого и согласуемой притяжательной формой послелога, с одной стороны, и выбором немаркированной формы зависимого и несогласуемой притяжательной формой, с другой стороны, отражает противопоставление изафетных конструкций 3 и 2, соответственно. Таким образом, процесс грамматикализации послеложных слов еще не завершен. Полученные результаты позволяют охарактеризовать вариативность в синхронном срезе языка, а также предоставляют материал для усовершенствования систем морфологической и синтаксической обработки текстов на татарском, чтобы они наиболее полно охватывали актуальное языковое поведение носителей.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Авторы выражают искреннюю благодарность Д. А. Зариповой и А. М. Галиевой за неоценимую помощь в подготовке материалов для экспериментального исследования.

Библиография

- Лютикова, Е. А., & Перельцвайг, А. М. (2015). Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность. *Вопросы языкознания*, 3, 52–69.
- Закиев, М.Ф. (1993). *Татарская грамматика. Т. 2: Морфология*. Казань: изд-во Казанского гос. ун-та.
- Закиев, М.Ф. (1995). *Татарская грамматика. Т. 3: Синтаксис*. Казань: изд-во Казанского гос. ун-та.
- Bošković, Ž. (2009). Unifying first and last conjunct agreement. *Natural Language and Linguistic Theory*, 27, 455–496. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11049-009-9072-6>

- Bošković, Ž. (2010). Conjunct-sensitive agreement: Serbo-Croatian vs Russian. In G. Zybatow, P. Dudchuk, S. Minor & E. Pshehotskaya (Eds.), *Formal studies in Slavic linguistics: Proceedings of formal descriptions of Slavic languages*, 7(5) (pp. 31–48). Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Citko, B. (2018). Complementizer agreement with coordinated subjects in Polish. *Glossa: a journal of general linguistics*, 3(1), 124. DOI: <https://doi.org/10.5334/gjgl.588>
- Franks, S., & Willer-Gold, J. (2014). Agreement strategies with conjoined subjects in Croatian. In J. Witkoś & S. Jaworski (Eds.), *New insights into Slavic linguistics* (pp. 91–115). Frankfurt am Main: Peter Lang. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-3-653-04359-4>
- Lyutikova, E. (2017). Agreement, case and licensing: Evidence from Tatar. *Урал-алтайские исследования*, 25:2, 25–45.
- Lyutikova, E., & Pereltsvaig, A. (2015). The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics*, 60:3, 289–325.
- Marušič, F. L., Nevins, A., & Badecker, W. (2015). The grammars of conjunction agreement in Slovenian. *Syntax*, 18, 39–77. DOI: <https://doi.org/10.1111/synt.12025>
- Nevins, A. & Weisser, P. (2018). Closest conjunct agreement. *Annual Review of Linguistics*, AA, 1–25.
- Pereltsvaig A., & Lyutikova E. (2014) Possessives within and beyond NP: Two ezafe–constructions in Tatar. In by A. Bondaruk, G. Dalmi & A. Grosu (Eds.), *Advances in the syntax of DPs: Structure, agreement, and case* (pp. 193–219). Amsterdam: Benjamins.
- Willim, E. (2012). Concord in Polish coordinate NPs as agree. In M. Ziková & M. Docekal (Eds.), *Slavic languages in formal grammar: Proceedings of FDSL 8.5, Brno 2010* (pp. 233–253). Frankfurt am Main: Peter Lang.

**International Conference on Turkic Languages Processing
(TURKLANG)****Nominal coordination in Tatar postpositional constructions
and case variation**Ekaterina Lyutikova ^{a,b}, Anastasia Gerasimova ^{a,b5}

*a Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, Moscow, 119991, Russian Federation
b Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina Street 6, Moscow, 117485, Russian
Federation*

Abstract

The paper develops a formal model for case variation in Tatar postpositional constructions with coordinated noun phrases. In Tatar postpositional constructions, the choice of the case form of the dependent nominal is determined by its morphological and syntactic class. Moreover, for postpositions synchronically associated with relational nouns marking of the pronominal argument affects the make-up of the postpositional phrase itself and governs the choice between the non-possessive form of the postposition and the possessive agreement. The study of coordinated noun phrases allows us to establish syntactic mechanisms that determine this variation. In particular, configurations where two coordinated arguments belong to different morphological and syntactic classes make it possible to establish a relation between the choice of case marking of conjuncts and the choice of possessive agreement on the postposition.

Two linguistic experiments were conducted to investigate the interaction of the two types of variation. In experiment 1, respondents filled in gaps in sentences, choosing the most natural form for the components of the postpositional construction. In experiment 2, respondents evaluated sentences with different configurations of postpositional phrases on a Likert scale from 1 to 5. The results of experiments show that the first argument of the coordinated construction shows a clear tendency to be used in the unmarked (caseless) form. However, if the first argument is a 1st/2nd person pronoun, respondents choose the genitive in half of the cases. In addition, respondents prefer the 3rd person possessive agreement marker, regardless of whether one of the conjuncts is 3rd person or not, which can be considered as a default agreement pattern.

The experimental data reveal a number of syntactic properties that postpositional constructions share with nominal *ezafe* constructions. In particular, the correlation between the choice of the genitive case marking of the argument and the agreeing possessive form of the postposition, on the one hand, and the choice of the unmarked form of the argument and the non-agreeing possessive form of the postposition, on the other hand, reflects the opposition of *ezafe* constructions 3 and 2, respectively. Thus, the process of grammaticalization of denominal postpositions is not yet complete. Our results allow us to characterize the synchronic variability, as well as provide data for improving morphological and syntactic processing for Tatar, so that they fully cover the actual linguistic behavior of native speakers.

Keywords: postpositional phrase, differential case marking, case, agreement, nominal coordination, Tatar, experimental syntax.
